

Хлестаковымъ:— „Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?“ — Нѣтъ, это я прошу у васъ“. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы Мопасанъ пересталъ писать, отшатнулся отъ людей, говорятъ—сошелъ съ ума и тѣмъ кончилась его карьера. Небезынтересный психологическій документъ къ громкому имени писателя! Эту отчужденность, это одиночество Мопасана гр. Толстой, по свойственной ему манерѣ рѣшать всякій вопросъ ex abrupto и подъ настроеніемъ минуты, объяснилъ *тоской безтѣрія*. Вспоминая, насколько устойчива мятущаяся мысль самого гр. Толстого объ этомъ предметѣ, мы можемъ представить, насколько и его объясненіе близко къ истинѣ. Поэтому, Толстого оставимъ въ покоѣ, хотя г. Протопоповъ безъ мѣры много говоритъ о томъ, какъ Толстой просто и легко копнулъ большое мѣсто Мопасана, но всетаки находить такое объясненіе не вполне достаточнымъ и предлагаетъ свое.

Читатели бываютъ весьма различны (говоритъ онъ) и имѣютъ своихъ писателей. Одни склоняются въ симпатіяхъ къ Салтыкову и Некрасову, другіе къ Пушкину и Гоголю, третьи къ Толстому и Достоевскому, которые, по своему направленію, и удовлетворяютъ различнымъ требованіямъ и вкусамъ. Долго ли, коротко ли это общеніе между читателемъ и писателемъ продолжается, но оно имѣетъ предѣлъ, причемъ нерѣдко бываетъ такъ, что писатель въ какіе нибудь 30—40 лѣтъ, еще полный ума и таланта, сознаетъ себя не нужнымъ, чувствуетъ себя совершенно одинокимъ. Почему вдругъ такой оборотъ? А потому, что писатель почувствовалъ себя въ сферѣ Чичиковыхъ и Фамусовыхъ, убѣдился, что онъ попалъ въ общество такихъ друзей читателей, гдѣ никто его не понимаетъ, никто никого не любитъ, никто никому не вѣритъ. До сихъ поръ одна истина. Такия положенія бываютъ съ увлекающимися, безкорыстными писателями. Салтыковъ страдалъ

мыслію, что нѣтъ у него друга—читателя и отчаялся найти его. По мнѣнію г. Протопопова, въ такое же положеніе былъ будто бы поставленъ Мопасанъ. Но вѣдь это тотъ Мопасанъ, который выбросилъ на европейскій книжный рынокъ до 300 штукъ любовныхъ новеллъ; тотъ человѣкъ, который всю жизнь только и дѣлалъ, что поддерживалъ въ людяхъ бѣсноватый культъ Венеры! — и вдругъ оказывается, что „хандра этого человѣка исходила отъ недовольства его Фамусовыми и Чичиковыми, отъ узости ихъ міропониманія, тогда какъ самъ онъ сознавалъ себя на цѣлую голову выше ихъ, выше того общества, изъ жизни котораго черпалъ свои сюжеты, наблюденія, образы и типы и къ которому принадлежалъ по рожденію“. Кромѣ того, нашъ критикъ добавляетъ, что одиночество Мопасана было не только его несчастіемъ, вслѣдствіе недовольства обществомъ, но и его ошибкой и даже подвигомъ. Онъ искалъ незапятнанныхъ людей, но люди оказались гадки; онъ искалъ такихъ людей въ своей средѣ, но они могли быть и были въ другой—и это было его ошибкой; онъ могъ еще наблюдать и писать, могъ слиться съ своимъ обществомъ, съ которымъ его соединяли крѣпчайшія узы; онъ, наоборотъ, порвалъ ихъ, уединился—и это было его подвигомъ. Все это одни слова, которыя совсѣмъ не выражаютъ ни Мопасана, ни его дѣятельность. Зачѣмъ ставить человѣка на высокое для него горнее мѣсто? Можно и самому свалиться...

(До слѣд. №)

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«На поповомъ дворѣ» очеркъ С. Есенинскаго. «Рус. Бог.» сентябрь. «Ошибка» (эпизодъ) М. Горькаго. «Рус. Мысль» сентябрь.

Первый разсказъ—(„На поповомъ дворѣ“), не отличается оригинальностью фабулы: передана совсѣмъ простая исторія,

какъ сирота — Павлушка выросъ у бобылки — старки Медвѣдки, какъ міръ отказалъ ему въ душевомъ надѣлѣ земли на томъ основаніи, что онъ не женатъ (невѣсты же не шли за него потому, что онъ былъ безземельный) и какъ онъ пошелъ служить батракомъ къ священнику. Павлушка былъ большой любитель лошадей. Когда любимая лошадь Павлушки пала, работникъ потерялъ всякую энергію и охоту къ работѣ, отбился отъ дѣла и послѣ неудачи въ покупкѣ новой лошади ушелъ къ другому хозяину, у котораго былъ конь, напоминавшій его прежняго любимца.

Изъ рассказаннаго видно, что не фабула въ рассказѣ важна, а самая обстановка, такъ сказать. Последняя дала автору возможность нарисовать два различныхъ типа священниковъ: священника щеголя и чиновника въ полномъ смыслѣ слова, а потому карьериста о. Владиміра, и — сельскаго попа о. Петра — хозяина и простеца, чуждаго всякихъ ухищреній и тонкостей при исполненіи своей обязанности. Обѣ эти фигуры отличаются большой жизненностью, а потому на нихъ мы и остановимъ вниманіе.

О. Владиміръ (благочинный), былъ выдающеюся личностью новаго типа духовенства, а о. Петръ — наоборотъ, принадлежалъ скорѣе къ старому, хотя они были товарищи по семинаріи. О. Владиміръ любилъ ораторствовать, а отецъ Петръ — предпочиталъ слушать, уклоняясь вообще отъ всякихъ торжествъ и пр., что составляло слабость его сокурсника, устраивавшаго юбилейные праздники товарищей, съ произнесеніями рѣчей и пространными отчетами въ „Епарх. Вѣдомостяхъ“. О. Петръ понималъ службу какъ службу въ прямомъ техническомъ смыслѣ, какъ трудъ служенія обѣдни, исправленія требъ. Руки его были въ мозоляхъ, въ бородѣ нерѣдко торчала приставшая солома; отъ него пахло потомъ и дегтемъ. Онъ утверждалъ, что если попъ оторвется отъ земли, то на-

ступитъ гибель цѣлаго сословія, которое теряетъ свой внутренній смыслъ: будутъ попы чиновники можетъ быть ученѣе, умнѣе, образованные, но зато — форсуны, и совершенные невѣжды въ пониманіи мужика.

„— Да развѣ, говорилъ онъ: благочинный нашъ можетъ такъ прочесть молитву на полѣ о ниспосланіи дождя такъ, какъ я? А почему я въ это время плачу? Почему всѣ мужики за мной рыдаютъ, когда я, стоя на колѣняхъ, задыхающимся отъ слезъ и страданія голосомъ, взываю: „Дажь дождь земли жаждущей, Спасе!“ Почему? Потому что я такъ же, какъ они, дѣйствительно всѣмъ существомъ своимъ жажду дождя, потому что и у меня поле сохнетъ отъ зноя. Они, это знаютъ, чувствуютъ и видятъ, что слезы мои нелицемѣрны.“

Такова фигура попа-хозяина, которому нужды мужика близки, потому что онъ живетъ самъ его жизнью и интересы ихъ очень близки.

О. Владиміръ понималъ службу иначе, расширяя ея значеніе, добавляя еще кое что, указующее на ревностное исполненіе начальственныхъ предначертаній и главное — на угожденіе начальству. Отъ о. Владиміра пахло всегда одеколономъ и руки его были мягки и пухлы, а волосы и борода всегда тщательно расчесаны. Про него всегда говорили: умный попъ, башка! И на всѣхъ собраніяхъ уступали ему первое мѣсто. Паства почитала его, боялась, но не любила, тогда какъ о. Петра всѣ и уважали, и любили.

Таковы фигуры двухъ антиподовъ сельскаго духовенства, охарактеризованные г. Елеонскимъ.

Переходимъ ко второму отмѣченному нами произведенію — „Ошибка“ М. Горькаго.

Рассказъ представляетъ собою пограничаніе „Палатъ № 6“ Чехова. Здѣсь также склонный къ психозу сельскій учитель не у дѣла — Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ, заслушивается рѣчей своего

сумашедшаго товарища—Марка Даниловича Кравцова и самъ сходить съ ума. Это голая сущность, такъ сказать. Обставлено событіе правдоподобно; чтобы сумашедшій могъ имѣть воздѣйствіе на психическое состояніе здороваго человѣка авторъ сводитъ ихъ вмѣстѣ на цѣлую ночь, такъ какъ Ярославцева товарищи посадили на дежурство у постели Кравцова. Когда Ярославцевъ пришелъ, то Кравцовъ спалъ. Онъ не нашелъ большой перемены въ товарищѣ, только лицо его похудѣло и вытянулось. Повернувшись, Кирилль Ивановичъ вдругъ увидѣлъ свое отраженіе въ зеркалѣ и сильно испугался, не узнавъ себя. Онъ не сразу сообразилъ, что увидѣлъ самого себя между тѣмъ больной проснулся, и накинулся на Ярославцева, обвиняя его въ томъ, что онъ хочетъ подсмотрѣть, какъ тотъ думаетъ.

— Ты—шніонъ!

Ярославцевъ сталъ ласково уговаривать больного. Съ послѣднимъ начинался припадокъ возбужденія. Онъ вообразилъ себя пророкомъ и началъ обличительную рѣчь. —Вы все слабы, я же—могучъ! Во мнѣ пылаетъ безсмертный огонь желанія подвига! И вотъ я, какъ Моисей изъ Египта выведу васъ изъ жизни, помойной ямы, гдѣ вамъ такъ хорошо дышется. Выведу, и придемъ мы въ обѣтованную страну, гдѣ воздухъ слишкомъ чистъ для васъ и гдѣ потому вы не можете жить. Тамъ я напою моихъ братьевъ изъ кастальскаго источника свободы и возбужу души ихъ къ жизни творчества... къ жизни подвиговъ... къ жизни всепрощенія и возсозданія человѣка. А вы, какъ Египтяне, погонитесь за нами, и исчезнете, потонете, захлебнетесь въ морѣ собственной гнусности и найдете смерть, потому что въ себѣ носите смерть!"

Туманность рѣчи товарища не смутила Кирилла Ивановича, напротивъ, передъ нимъ открылись какіе то невѣдомые широкие горизонты, приковавшіе къ себѣ его вниманіе.

А голосъ Кравцова гремѣлъ все далѣе

и далѣе. Сумашедшій обѣщалъ вернуть въ жизнь своихъ послѣдователей для творчества. Они создадутъ въ пустынѣ свое царство въ которомъ все будетъ гармонія. Тогда позовутъ народы полюбоваться „вѣчнымъ образомъ жизни," съ тѣмъ чтобы слѣдовали ему. Это и будетъ побѣда духа надъ землею: послѣ чего они уйдутъ, чтобы снова творить, вѣчно творить.

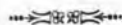
Пораженный этими безумными планами Кирилль Ивановичъ припалъ къ ногамъ Кравцова и обнимая его колѣни провозгласилъ того своимъ учителемъ, а себя его вѣрнымъ ученикомъ.

Они проговорили до утра. Наконецъ больной, обезсилѣвъ уснулъ. Но Ярославцеву хотѣлось слушать еще и онъ просилъ того продолжать рѣчь. Больной уже не могъ. Тогда Кирилль Ивановичъ усялся въ ногахъ сумашедшаго и сталъ смотрѣть глазами любви и восторга на несчастнаго созидателя всеобщаго спасенія.

Утромъ за сумашедшимъ явился докторъ психіатрической больницы со сторожами и товарищами больного. Кирилль Ивановичъ всталъ на защиту больного, началъ увѣрять, что тотъ вовсе не сумашедшій, что тутъ кроется ошибка, что онъ хочетъ исполнить великое и необходимое для всѣхъ дѣло и затѣмъ сталъ доказывать основательность самой его теоріи. Кончилось это тѣмъ, что ихъ обоихъ свезли въ больницу. Когда несчастные встрѣчаются въ саду на прогулкѣ, то Ярославцевъ бѣжитъ къ Кравцову и умоляетъ того говорить. И тотъ — говоритъ: Кравцовъ все же подаетъ нѣкоторую надежду на выздоровленіе, а его ученикъ никакой.

Стремленіе доставить благо людямъ, печаль при видѣ общественной безурядицы послужили исходными пунктами помѣшательства въ разсказахъ и у Чехова и у Горькаго; судьба героевъ также одинакова — оба сошли съ ума. Различно только все это обставлено. Какъ всякая копія слабѣ оригинала, такъ и разсказъ Горькаго сла-

бѣ произведенія Чехова. Въ свое время „Палата № 6“ надѣлала много шума и привлекла къ себѣ общее вниманіе. Разсказъ „Ошибка“ не можетъ разсчитывать на ту же участь, хотя нѣкоторыя черты отличаются правдивостью; такъ напр. авторъ, устами сумашедшаго, дѣлаетъ вѣрную характеристику толпы en masse. Не выдѣляясь оригинальностью, разсказъ можетъ считаться только приличнымъ, потому что въ немъ фигуры сумашедшихъ охарактеризованы не достаточно выпукло и руководящая идея не отличается новизною: неужели только безумные могутъ мечтать о счастьи человѣчества?

НАУЧНЫЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Изъяны правосудія.

Г. Лобасъ, врачъ Александровскаго округа на Сахалинѣ, разсказываетъ во „Врачѣ“, что ему очень часто приходится встрѣчаться съ несомнѣнными душевно-больными, сосланными въ каторгу.

Весьма понятны судебныя ошибки тамъ гдѣ дѣло идетъ о людяхъ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ скоропроходящихъ психозовъ, подъ вліяніемъ душевныхъ потрясеній, о людяхъ, предрасположенныхъ къ заболѣванію душевными болѣзнями, — говоритъ авторъ, — но какъ понять осужденіе въ каторгу людей, одержимыхъ рѣзко выраженными формами неизлечимыхъ душевныхъ болѣзней?

Объясненіе этому лежитъ, какъ мнѣ кажется, съ одной стороны, въ рѣдкости врачебной экспертизы при слѣдствіи и на судѣ, а съ другой, въ укоренившемся въ обществѣ мнѣніи, будто-бы душевно-больной непременно долженъ быть чело-вѣкомъ безумнымъ. Между тѣмъ передъ судомъ—убійца, поджигатель или святотатецъ, сознающійся въ совершенномъ имъ „преступленіи“ и здраво отвѣчающій на вопросы; имѣется все, что нужно суду, поводы-же для преступленія, указываемые слѣдственной властью и на судѣ обвини-

телемъ и защитникомъ, не всегда основаны на фактахъ, а весьма и весьма часто вращаются въ области предположенія. Разборъ повода къ преступленію, при помощи врачебной экспертизы, много-бы помогъ дѣлу, но, какъ я уже сказалъ, къ экспертизѣ, во 1-хъ, прибѣгаютъ сравнительно очень рѣдко, а во 2-хъ, признавая свѣдующихъ людей, даютъ имъ мало вѣры. Вопросъ объ экспертизѣ возникаетъ, обыкновенно, лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ подсудимый ясно обнаруживаетъ ненормальность психики или если экспертиза требуется защитой. Когда же дѣло идетъ о преступникѣ изъ народа (сѣрой толпы), то кому время и охота долго останавливаться на его душевномъ мірѣ, на психическомъ разборѣ его личности? Я не ошибусь, если скажу, что въ такихъ случаяхъ часто ни слѣдственная власть, ни судъ не любятъ долго останавливаться на вопросѣ о вѣняемости; защита-же въ подобныхъ случаяхъ бываетъ по назначенію, а шаблонность такой защиты общезвѣстна.

Благодаря столь печальному положенію дѣла, количество душевныхъ больныхъ на Сахалинѣ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ Александровскомъ округѣ душевнобольныхъ уже до 50 человѣкъ, при населеніи въ 7,000 душъ. Изъ нихъ часть пользуется въ лазаретѣ, а часть, за недостаткомъ помѣщенія, находится на свободѣ. Въ приведенное число не включено большое количество нейрастениковъ, падучихъ, точнаго числа которыхъ я еще не установилъ. На Сахалинѣ я встрѣчалъ идиотовъ (въ простонародь „дурачковъ“), которые отбываютъ каторгу наравнѣ съ другими.

Въ доказательство того, что осужденіе душевно-больныхъ въ каторжныя работы не такъ рѣдко, авторъ приводитъ краткія исторіи нѣсколькихъ душевно-больныхъ, сосланныхъ на Сахалинъ въ качествѣ осужденныхъ преступниковъ.

„Образованный чело-вѣкъ“.

Таково заглавіе фельетона въ „Новомъ Времени“. Статья посвящена вопросу о

ГБ
6
V 12
2
XVIII 17

« Литературное обозрение » 1895, 15 октября, № 42

Дов. ценз. 11 октября.

1129

№ 42. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. 1895.

1130

Хлестаковымъ:— „Да кто это просилъ де-
негъ: чиновникъ у гвардейца или гвар-
деецъ у чиновника?“ — Нѣтъ, это я прошу
у васъ“. Какъ извѣстно, въ послѣдніе
годы Мопасанъ пересталъ писать, отшат-
нулся отъ людей, говорятъ—сошелъ съ ума
и тѣмъ кончилась его карьера. Небезъ-
интересный психологическій документъ къ
громкому имени писателя! Эту отчуж-
денность, это одиночество Мопасана гр.
Толстой, по свойственной ему манерѣ рѣ-
шать всякій вопросъ ex abrupto и подъ
настроениемъ минуты, объяснилъ *тоской*
безтѣрія. Вспоминая, насколько устой-
чива мятущаяся мысль самого гр. Тол-
стого объ этомъ предметѣ, мы можемъ
представить, насколько и его объясне-
ніе близко къ истинѣ. Поэтому, Толстого
оставимъ въ покоѣ, хотя г. Протопоповъ
безъ мѣры много говоритъ о томъ, какъ
Толстой просто и легко копнулъ большое
мѣсто Мопасана, но все-таки находить
такое объясненіе не вполне достаточнымъ
и предлагаетъ свое.

Читатели бываютъ весьма различны (го-
ворить онъ) и имѣютъ своихъ писателей.
Одни склоняются въ симпатіяхъ къ Сал-
тыкову и Некрасову, другіе къ Пушкину
и Гоголю, третьи къ Толстому и Достоев-
скому, которые, по своему направленію,
и удовлетворяютъ различнымъ требова-
ніямъ и вкусамъ. Долго ли, коротко ли
это общеніе между читателемъ и писате-
лемъ продолжается, но оно имѣетъ пре-
дѣлъ, причемъ нерѣдко бываетъ такъ, что
писатель въ какіе нибудь 30 — 40 лѣтъ,
еще полный ума и таланта, сознаетъ себя
не нужнымъ, чувствуетъ себя совершен-
но одинокимъ. Почему вдругъ такой обо-
ротъ? А потому, что писатель почувство-
валъ себя въ сферѣ Чичиковыхъ и Фа-
мусовыхъ, убѣдился, что онъ попалъ въ
общество такихъ друзей читателей, гдѣ
никто его не понимаетъ, никто никого
не любитъ, никто никому не вѣритъ. До
сихъ поръ одна истина. Такия положенія
бываютъ съ увлекающимися, безкорыст-
ными писателями. Салтыковъ страдалъ

мыслію, что нѣтъ у него друга—читате-
ля и отчаялся найти его. По мнѣнію
г. Протопопова, въ такое же положеніе
былъ будто бы поставленъ Мопасанъ. Но
вѣдь это тотъ Мопасанъ, который вы-
бросилъ на европейскій книжный рынокъ
до 300 штукъ любовныхъ новеллъ; тотъ
человѣкъ, который всю жизнь только и
дѣлалъ, что поддерживалъ въ людяхъ
бѣсноватый культъ Венеры! — и вдругъ
оказывается, что „хандра этого человѣка
исходила отъ недовольства его Фамусо-
выми и Чичиковыми, отъ узости ихъ міро-
пониманія, тогда какъ самъ онъ созна-
валъ себя на цѣлую голову выше ихъ,
выше того общества, изъ жизни котораго
черпалъ свои сюжеты, наблюденія, образы
и типы и къ которому принадлежалъ по
рожденію“. Кромѣ того, нашъ критикъ
добавляетъ, что одиночество Мопасана
было не только его несчастіемъ, вслѣд-
ствіе недовольства обществомъ, но и его
ошибкой и даже подвигомъ. Онъ искалъ
незапятнанныхъ людей, но люди оказа-
лись гадки; онъ искалъ такихъ людей въ
своей средѣ, но они могли быть и были
въ другой—и это было его ошибкой; онъ
могъ еще наблюдать и писать, могъ слить-
ся съ своимъ обществомъ, съ которымъ
его соединяли крѣпчайшія узы; онъ, на-
оборотъ, порвалъ ихъ, уединился—и это
было его подвигомъ. Все это одни слова,
которыя совсѣмъ не выражаютъ ни Мо-
пасана, ни его дѣятельность. Зачѣмъ ста-
вить человѣка на высокое для него гор-
нее мѣсто? Можно и самому свалиться...

(До слѣд. №)

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЛЕТРИСТИКА.

«На поповомъ дворѣ» очеркъ С. Еленина. «Рус.
Бог.» сентябрь. «Ошибки» (Викторъ) М. Горь-
каго. «Рус. Мысль» сентябрь.

Первый рассказъ—(„На поповомъ дво-
рѣ“), не отличается оригинальностью фа-
булы: передана совсѣмъ простая исторія,